

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ

Действительность и перспективы российской модернизации

К ФЕНОМЕНОЛОГИИ СИМУЛЯТИВНОГО БЫТИЯ

Л.А. БУЛАВКА

Введение

Капиталистические формы глобализации, поглощая Россию с ее остатками культуры, общества и экономики, с одной стороны, открывают перед ней новые формы сетевой интернет-цивилизации, а с другой – втягивают ее в неразрешимые для этого типа глобализации противоречия. Разрешить мировые противоречия современная Россия, в отличие от большевиков в 1917 г., не способна, и любые капиталы здесь бессильны, ибо историческую перспективу, как и субъект истории, купить нельзя. Поэтому, как бы ни относился российский истеблишмент к Западу, тем не менее, наша страна уже давно включена (как и в качестве кого – это уже другой вопрос) в его социально-политические процессы, которые все более откровенно выражают симптомы глубокого системного кризиса. Экономический и политический кризис, вызывающий рост активного гражданского протеста почти во всех так называемых «цивилизованных странах», глубокий культурный кризис – симптомы достаточно серьезные. Конечно, далеко не всегда политический кризис сопровождается культурным (пример: расцвет советской культуры в брежневский период), но последний всегда есть свидетельство того, что «подгнило что-то в Датском государстве».

Что же такое современная Россия?

Современная российская действительность – это уже не только другая страна, другой тип культуры, другой тип человека, но это еще и другая реальность, являющая совсем иную общественную среду и новые, прежде неизвестные феномены. Постсоветская действительность, разворачиваясь на наших глазах на протяжении последних десятилетий, делает нас не только свидетелями, но и продуктом тех сложных многообразных процессов, которые стоят за всем этим: распадом советских форм жизни, развитием тенденций и форм глобализационной цивилизации, формированием новых феноменов – мира симулякров, прорастанием альтернатив миру отчуждения и т.д.

Соответственно, возникает вопрос: можно ли из всего этого многообразия выделить то, что, будучи характерным для разных конкретных реалий современной России, одновременно является их некоей всеобщей характеристикой?

Так вот, одной из *конкретных всеобщностей* современной российской действительности является распад прежних *всеобщностей* той системы отношений, которую можно назвать «советской универсальностью», на совокупность *частных феноменов*.

Одна из предпосылок этого распада заключается в том, что развитие современной России, а это, прежде всего, общество и человек, происходит на основе попятной (реверсивной) диалектики. Результатом разворачивания этой попятной диалектики является утверждение *частного* императива как тотального принципа отношений российских реалий.

Этот процесс *очаствивания* всех форм общественной реальности и человеческой жизнедеятельности как раз и становится одной из важнейших предпосылок порождения симулятивных форм бытия индивида и его деятельности, которые в конечном итоге приводят к мутации его уже как родового существа.

При этом не надо забывать, что одной из важнейших предпосылок возникновения и развития симулятивных процессов в России (на Западе их генезис имеет другую историю¹) стало возрождение капитализма. Более того, симулятивные процессы показывают, что реставрация прежде снятых в истории форм экономического и социального развития (например, капитализма в Советской России) возможна лишь в симулятивной форме. И одним из важнейших аргументов в пользу этого является тот факт, что российский капитал возник в результате криминальной приватизации государственной собственности, т.е. в отрыве от реального труда и производства.

Другими словами, сам генезис российского капитала имел уже откровенно симулятивный характер. Неслучайно российский капитализм стал своего рода пародией на поздний глобальный капитализм, симулируя производственную функцию своего классического прародителя. Российские корпорации даже не столько создают симулякры финансовых пузырей, сколько паразитируют на природных ресурсах страны и «распиле» государственного бюджета². Последнее позволяет говорить о российском бизнесе как о симулякре капитализма, классической основой которого было производство благ, а получение прибыли — только следствием этого производства.

Кстати, окончательный разрыв связи между капиталом и трудом лишает реальность потенции действительного развития, нерва той общественной драматургии, на которой взошли произведения великой русской литературы. Не потому ли сегодня и в искусстве отсутствует художественная драматургия?

Генезис системы симулякров российской реальности – вопрос специального и широкого исследования. В данной статье автор попытается рассмотреть с позиций марксистского анализа лишь основные параметры феноменологического замера *симулятивной* природы на примере современной российской действительности.

Вопрос методологического подхода к данной теме является принципиальным для понимания проблемы симулятивных феноменов. Вот, например, как определяет различие марксистского и постмодернистского подхода к теме постмодернизма и симулятивных форм действительности А. Бугалин в своей работе «Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма»: «В марксизме превратные формы *выводятся* из анализа действительного содержания предмета. Его диалектическое исследование показывает как, почему и в какой мере эти формы проникают в действительность, как, почему и в каких условиях они могут быть сняты и т.п. Постмодернизм, напротив, не только (1) фиксирует симулякры как самодостаточные, но и (2) принципиально отрицает какую-либо их укорененность в бытии, подвергая последнее *деконструкции* (о ней ниже)³. И далее в своей работе он выводит ключевые положения марксистской методологии, позволяющей уйти вперед: от доминирующего дискурса описания симптомов постмодернизма к диалектическому раскрытию его природы.

Безымянность реформ

Одной из важнейших предпосылок генезиса симулятивности российской реальности стал сам характер процесса перехода ее от советской системы к постсоветской, получивший название «Реформы». В постсоветской России реформы безымянны. Любые реформы должны проговариваться хотя бы на языке лозунгов, определяющих вектор развития общества и страны. Такие лозунги на протяжении двадцати последних лет периодически возникали, например – «Только не назад – в СССР!» (как будто такое возможно). Но именно лозунги программного содержания (не путать с предвыборными однодневками), увы, не припомнить.

В истории нашего отечества были реформы, и они, как правило, имели имя: Петра I, Ивана Грозного, Столыпина, хрущевская «оттепель», косыгинская реформа, перестройка и др. Курс трансформаций современной России, заявленный еще в начале 1990-х гг., называется абстрактно – реформы. Правда, иногда их называют гайдаровскими, но это более подошло бы для обозначения их начального этапа. В любом случае название у реформ есть, а вот имени – нет.

И это далеко не безобидное обстоятельство, как может показаться на первый взгляд. Безымянность современных российских реформ уже на уровне их формализации выдает то, что их подлинную про-

граммную суть трудно сформулировать именно как универсальную общественно значимую идею, без которой их вообще нельзя (хотя бы из соображений формального приличия) считать состоятельными во всех отношениях.

Действительно, подать идею частного обогащения любой ценой как идею общественного прогресса и блага — для всех и каждого — с достойной степенью убедительности, особенно в стране, в которой общественные идеалы и культура всегда были преисполнены презрения к принципу обогащения и накопительства, очень непросто. И не только у нас. Господствующие сегодня в обществе настроения показывают, с одной стороны, укрепляющуюся в России тенденцию мещанского приспособленчества индивидов к ситуации и нежелание большинства из них осмыслять свое личное бытие с позиции смыслов и идей, но с другой — одновременно нарастающее отторжение всего того, что называется «российским либерализмом» (например, феномен Болотной площади).

«Идеал либерализма уже давно потерял свою действенную силу и ни в ком энтузиазма не вызывал; уж давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла сама по себе привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию»⁴, — писал в начале минувшего века Михаил Туган-Барановский.

Эти слова в полной мере можно отнести и к настроениям современного российского общества.

Абстрактность названия осуществляемых реформ, преследующих вовсе не абстрактные, а вполне конкретные интересы конкретных социальных групп, в действительности прикрывает стоящую за всем этим тотальную власть частного интереса.

Разрыв связи с родовым человеком

Субстанцией общественного бытия современного индивида является тотально разрастающаяся система отношений отчуждения, порожденная властью капитала, бюрократии, рынка и превращающая его в функцию этих институтов. Обреченность индивида на это функциональное существование, по сути, есть *рабство частичного бытия*. От индивида, точнее — от конкретного характера его экономического положения, зависит лишь степень комфортности этого рабства.

Отношения отчуждения, пронизывая все сферы общественной и человеческой жизнедеятельности, сегодня являются настолько всеобъемлющими, что даже культура, которая всегда была тем идеальным, которое несло в себе если не альтернативу, то хотя бы критику господствующих форм отчуждения, теперь уже сама стала мега-производством самых изощренных форм отчуждения. А ведь культура до некоторого

времени оставалась нишей бытия человека как представителя рода *Человек*.

Господствующая сегодня в качестве общественного идеала в России идеология предлагает сытое и комфортное *не-бытие* в мире отношений купли-продажи, освобождая его от вопросов и смыслов — во имя чего все это.

В сущности, сегодня индивид разорвал свою пуповинную связь с *родовым человеком*. Сегодня нет ни материальных, ни идеальных форм, в которых удерживалась бы эта связь. Постмодернизм, одним словом.

Правда, кое-где эта связь еще как-то теплится, но, главным образом, на отдельном индивидуальном уровне. Но эта отдельность погоды в обществе не делает. При этом не стоит забывать о том, что господство частного интереса сегодня особенно опасно, ибо в условиях глобализационного сетевого сообщества оно обретает предельно всеобщий характер. Неразрешенность противоречия между предельной всеобщностью форм современных общественных связей и частным характером их реального содержания создает условия, при которых существование всего зависит от частных подходов частных лиц (хозяев «заводов, газет, пароходов», а также чиновников), что в итоге неизбежно приводит к усилению эффекта общественного отчуждения.

Абстрактность бытия индивида

Господство частного интереса опасно еще и тем, что оно все (почти все) превращает в унифицированную абстракцию (товар, собственность, знак), уничтожая различия между людьми как носителями определенной конкретной уникальности, превращает все многообразие жанров в искусстве в некий общий набор артефактов, нивелируя имена творцов, сводя их всех к одному рыночному ярлыку — «звезда». Все богатство действительности и культуры редуцировано к системе абстракций, различие которых определяется лишь количеством денежных знаков.

Диктатура *общего*, все более властно подминающая под себя все *особенное*, трепетно выражающее уникальность человеческой, культурной и природной конкретности, в итоге становится реальной угрозой для культуры, для которой с ее конкретно-всеобщей природой нет большей опасности, чем власть рыночных стандартов и унифицированных правил.

Если же говорить о таком понятии, как «человек», то сегодня оно также сведено к абстракции. А что значит человек как абстракция? «Эй, человек!» — в этом обращении с формальной точки зрения, например, тех же адептов прав человека, казалось бы, ничего зазорного нет. Но даже такая форма обращения, как «Эй, Кузьма!» или «Эй, Петрович!», при всей ее грубости и фамильярности звучит не так

оскорбительно. Абстрактное обращение «эй, человек!» гораздо хуже. В первом случае присутствует, хотя и в уничижительной форме, но все же отношение к человеку как к некоторой конкретной данности, во втором — эта данность просто игнорируется.

Так что на проблему «лишнего человека», поставленную XIX в. и преисполненную идеалами еще молодого российского либерализма, современный российский либерализм дал свой безапелляционный ответ: «Человек — лишний!» И тем самым была поставлена точка в истории российского либерализма. Дальше — некуда. Точка, в отличие от «Черного квадрата», не имеет даже цвета. Точка — это уже знак, говоря языком Гегеля, *ничто*.

А если человек как таковой является лишним в этом мире, то о какой актуальности его конкретной личности может идти речь? Да и где она, личность, сегодня востребована? В экономической сфере? Но в ней сегодня человек — лишь функция капитала и агент рыночных отношений. В политике? Но в ней он не более чем единица, если не сказать — ноль, электоральный планктон. Может быть, в культуре? Но и в ней он не герой и не автор, а в лучшем случае — интерпретатор чужих, и чаще непрочитанных текстов. Может быть, в медийном пространстве? И здесь он в лучшем случае — толмач новостных лент о чуждых ему людях и событиях.

Таким образом, функциональное бытие индивида, обусловленное его тотальной зависимостью от капитала, рынка и бюрократии, в итоге обрекает его на абстрактные формы бытия. Вот почему современный индивид существует главным образом анонимно, но не как знак (выбор своего ника — это еще в его власти, не в его власти отказ от него), а как личность. А как личность он существует лишь в отчужденной от своей родовой сущности форме. Принуждение индивида к абстрактным формам существования, проистекающее из тотальной власти глобального капитала, рынка и бюрократии неизбежно, ибо в логике попятной диалектики характер «развития» реальности идет от *конкретно-всеобщего к абстрактному*, т.е. в прямо противоположном направлении, чем в классической диалектике. И это еще один замер симулятивного бытия.

Частность как органика самоотчужденного индивида есть совокупный результат всей системы «общественных» отношений, являющих собою сегодня мир уже даже не столько превратных форм, сколько симулятивных сущностей.

Отрицание субъектности — отказ от идеи человека

Российская реальность, особенно на протяжении последних двух десятилетий, во всей полноте демонстрирует отказ от *идеи человека* как определенного гуманистического замера общественного развития, его ценностной навигации. Современный индивид существует, главным

образом, как функция капитала, власти, религии, правил, идеологии, патриархального уклада. Сегодня реально нет ни одной сферы идеального постсоветского происхождения, тем более в области материального, которые несли бы в себе идею *человека*. Вымывание идеи *человека* как основы существующей системы художественных образов, в современном искусстве и понятий в науке — одно из подтверждений этой тенденции.

В действительности за всем этим стоит отказ, причем на уровне как господствующей идеологии, так и самого индивида, от идеи его субъектного бытия. Говоря иначе, современное развитие в России отчуждено от идеи человека как субъекта истории и культуры, а значит — как субъекта общественных отношений. И дело здесь не в формальном членстве индивида в тех или иных общественных организациях, а в том, доступно ли ему деятельностное преобразование реальных отношений, насколько он действительно может в ассоциированной взаимосвязи с другими индивидами детерминировать формы своей социальной жизнедеятельности.

Но российские практики являют прямо противоположную ситуацию: до сих пор принцип субъектного бытия современным сознанием чаще всего воспринимался не иначе, как чуждая абстракция или идеологический знак прошлого тоталитарного нарратива. Все, что несет в себе идею человека как субъекта истории и культуры, — все это оказывается для него активно чуждым.

Но *без-субъектное* бытие индивида, обусловленное господством глобальной гегемонии капитала и рыночного тоталитаризма, отводит ему лишь роль анонимного агента рыночных отношений, но никогда — субъекта как такового. Более того, это *без-субъектное* бытие индивида является основой генезиса российского постмодернизма, обуславливающей его многие сущностные черты, в частности, отказ от принципа *отношения как субстанциональной характеристики культуры*. И действительно, в постмодернизме нет никаких отношений, т.е. никто и ничто ни к кому и ни к чему никак не относится.

Отказ от *отношения как такового* проистекает из того, что в постмодернизме нет идеи человека как субъекта. Если нет субъекта, то соответственно нет и никаких отношений, а это значит, что нет и всего того, что сопровождает любое отношение: *адресность, посыл, направленность, обращение, интонацию* и многое другое. Более того, отсутствие всего этого как раз и есть сущность императивов постмодернизма.

Но мы пойдем дальше и зададимся вопросом, который возникает как некий экзистенциальный контрапункт сопряжения культуры и истории и становится особенно актуальным в периоды общественных и исторических изломов. В данном случае имеется в виду вопрос — *быть или не быть?*

Этот вопрос для человека мира культуры в действительности означает вопрос — *как быть* в истории? На какой основе и в качестве кого?

Разрешил ли постмодернизм это гамлетовское противоречие? Он *как бы* его разрешил. Точнее, он предложил решение, но именно — *видимостное решение*. А ведь речь идет о противоречии, которое стало роковым вызовом для западной философии второй половины XX в. Суть этого противоречия заключается в следующем: человек, как *наличное бытие*, есть, а человек *как идея (идея субъекта)* отсутствует, т.е. идея человека есть *ничто*. Другими словами, противоречие между *наличным бытием* человека (*теза*) и идеей человека как *ничто (анти-теза)* постмодернизм разрешил утверждением идеи *наличного бытия* человека *как ничто (анти-синтез)*. И это — чисто постмодернистское решение. Такое решение, казалось бы, не несет в себе открытого отказа от идеи человека. Но что это значит? А это значит, что постмодернизм в действительности утверждает принцип *наличного не-бытия* человека, причем в хронотопе — *здесь и сейчас*. Именно это и дает нам основание определить постмодернизм в онтологическом отношении как *идеальное наличное не-бытие (ничто)* человека. Но что означает бытие человека как *ничто*? А это в действительности есть бытие трупа. Да, именно так, потому что понятие «труп» означает наличие живого существа, лишенного бытия, т.е. бытие которого есть *ничто*. Вот откуда в культуре постмодернизма дух эсхатологии. Он вызван логикой *де-монтажа* идеи человека как субъекта. Так *де-субъективация* индивида приводит к отказу от бытия, а точнее — к утверждению его бытия как *ничто*, что в действительности оборачивается мутацией человека. А это гораздо страшнее и опаснее смерти. Но ведь именно это *без-субъектное бытие* сегодня и утверждается идеологией либерализма как некий идеал жизни, который, в сущности, сводится к тому, чтобы получать приличное жалованье в фирме, честно платить налоги, делать удачные покупки и бодрить себя на старости лет комфортными путешествиями. Но разве это не есть утверждение бытия человека (с точки зрения его родовой сущности) как *ничто*?

Если же говорить о постсоветском индивиде, то, отказавшись от той тенденции советского *прошлого*, которая была связана с утверждением субъектного бытия, хотя и в жестком противостоянии с мещанством, он в тоже время боится того *будущего*, которое без социально-творческой самодетельности индивида невозможно. И как результат всего этого — беспомощность индивида перед *настоящим*, которая оборачивается для него мучительным существованием в нарастающих формах отчуждения, так как его поглощают сетями рыночных и бюрократических отношений, и он неизбежно оказывается в ловушках самоотчуждения.

Это положение индивида усугубляется еще и тем обстоятельством, что хронотоп *настоящего (здесь и сейчас)* сегодня оккупирован

преимущественно капиталом и вытекающей из него бессмысленной конкуренцией, уничтожающей все и вся: природу, человека, культуру. Следствие этого – сомнительность перспектив сохранения человека как вида. Вот почему на *будущее* индивид смотрит с тревогой и опаской. И вот почему он неизбежно оглядывается на *прошлое*, если оно, конечно, у него есть, а есть оно далеко не у всех.

Это обращение к прошлому, независимо от оценочного отношения к нему, характерно не только для определенной части оппозиции, но и для либералов, в том числе медийных идеологов, которые довольно-таки часто обращаются к современному контенту и очень редко – к проблеме уже исторических и культурных перспектив. Причем внимание именно к СССР (как правило – к преступной сущности советской системы) и с момента «перестройки», и до настоящего времени является доминирующим.

Симулятивное потребление

Итак, сегодня российский индивид объективно отчужден от своей возможной, более того – должной, ипостаси общественного субъекта. Но ведь есть области человеческой деятельности, для которых незаменим императив его субъектного бытия, например, искусство или наука. И действительно, искусства без субъекта художественного творчества нет. Казалось бы, уже силой одного этого положения эта ипостась творца остается обязательной и неизменной при любых условиях. Но так ли это на самом деле? Насколько неизменной остается субъектная природа творца в условиях современного рыночного тоталитаризма?

То, что всегда считалось недоступным для власти отчуждения, – культура – сегодня пронизано тотальными отношениями купли-продажи. Такого прямого рыночного диктата в сфере культуры, причем, влияющего не только на форму ее социального бытия, но и на содержание, как это наблюдается сегодня, еще не было. Действительно, существует рынок «рукописей», но реальностью нашего времени стал уже и рынок «вдохновения».

Современные институты власти и рынка объективно создают такую систему отношений, при которой создаются предпосылки для отчуждения творческого потенциала от художника, жестко подчиняющие его соображениям политической или коммерческой выгоды. Суть творца сегодня сводится преимущественно к производству особого типа товаров и услуг, как правило, симулятивных.

Другая особенность современного рынка состоит в том, что он связан с новым – *симулятивным* – типом потребления. *Симуляции* оказываются подвержены не только предметы потребления, но и сам процесс⁵. Симулятивное потребление ориентируется, прежде всего, на цену, а не на полезность товара. В чем же состоит его отличие от обычного потребления?

В самом общем виде это можно объяснить следующим примером: если в XIX в. индивид покупал костюм из высококачественной шерсти и по высокой цене, то в этом случае его потребительская и рыночная стоимость находились в некоем соответствии друг с другом. И даже если этот костюм был куплен сугубо для престижного потребления, то и в этом случае он не утрачивал своей потребительской стоимости.

Сегодня престижный костюм может быть сделан из дешевой ткани и плохо шит, но если при этом он имеет престижный модный «*лэйбл*», то его рыночная стоимость будет высокой. В условиях доминирования брэндов появляется несоответствие, более того, разрыв между рыночной и потребительской стоимостями. Этот разрыв частично восполняется затратами, связанными с деятельностью тех маркетологов, рекламщиков, пиарщиков и т.п., которые заняты (вос)производством общественного представления о том, что именно этот «*лэйбл*» имеет высокий рыночно-рейтинговый статус, т.е. воспроизводством *брэнда*⁶.

Одним словом, маркетологи и рекламщики производят сегодня общественное представление о рыночном статусе (приоритетности) того или иного «*лэйбла*», который в свою очередь также является неким общественным представлением. Говоря иначе, они заняты производством общественного представления об общественном представлении по поводу того или иного брэнда, формируя тем самым иерархию рыночных ценностей (отношений) как господствующую идеологию.

Общее versus конкретно-всеобщее

Так реальность, проходя спираль двойной симулятивной идеализации (*превратное представление о представлении превратной формы*) и утрачивая свою исходную конкретность, объективно превращается в символ по содержанию и схеме по форме. И этот образ *должного* (абстрактная симулятивная идеализация) подчиняет себе *сущее* (конкретное). Модная вещь может быть неудобной и даже вредной, но не для пользы и удобства использования она приобреталась: назначение модной вещи состоит лишь в том, чтобы быть знаком, маркирующим покупателя как потребителя престижного товара.

То же самое можно сказать и о рыночных стандартах, которые, выражая *должное*, подчиняют себе *сущее*; более того, *должное* выдается за *сущее*, а точнее — за *императив сущего*.

Более того, превратные формы рыночных стандартов связаны с утверждением такого *должного*, которое, будучи по своему содержанию выражением *абстрактно-общего*, постепенно начинает властвовать над *конкретным*. В результате и в том, и в другом случае мы имеем дело с наступлением такого контента *общего* (реального и нормативного), который продиктован жесткой стандартностью рыночных приорите-

тов, унифицированностью существующих правил, в конечном итоге — с диктатурой *общего*, жестко вытесняющего *конкретно-всеобщее*. Неслучайно существующий сегодня фетишизм правил (когда человек для правил, а не правила для человека) критиковать не очень-то принято, более того, сегодня он даже расценивается как критерий цивилизованности.

Попадая под маховик *общего*, *конкретно-всеобщее* иногда пытается противостоять ему, но в конечном итоге либо трансформируется в *общее*, либо уходит в маргинальные поры культуры. Так, если художник сегодня не попадает в пространство рынка (а это сложная иерархическая система отношений с жестким подчинением рыночным отношениям и стандартам), то он, как правило, обречен, независимо от своего таланта, оставаться маргиналом и в культуре, и в обществе. И никому в этом случае нет дела до того, что он создает принадлежащий миру и истории (конкретно-всеобщий в социальном пространстве и времени) феномен культуры.

Так в логике превратных форм создается такое идеальное (символ), которое в качестве *должного* начинает господствовать над *сущим*.

Продолжим. Поскольку симулятивное потребление предполагает производство определенных общественных представлений о том или ином «лэйбле», постольку это производство «лэйбла» становится ничем иным, как производством того особого типа *надстройки*, от которого сегодня прямо и жестко зависит *базис* — материальное производство (автор здесь использует эти понятия скорее в их прямом смысле, чем как категории марксизма). Шить или не шить костюм, из чего и как его шить — все эти вопросы материального производства сегодня зависят от того, какой конкретный «брэнд» будет, говоря современным языком, «крышевать» это производство. Другими словами, этот брэнд, являясь по форме неким знаком, по существу выступает как то общественное отношение, которое детерминирует характер, пропорции, динамику многих сфер материального производства.

Итак, можно сказать, что в этом случае вопрос материального производства попадает в зависимость от такой *симулятивной идеализации* (в данном случае — брэнда), которая связана не с *конкретно-всеобщим*, а с *общим*, если не сказать — символом *общего*. Это первое.

Второе. В связи с вышесказанным, возникает вопрос: а есть ли сегодня попытки снятия рыночной формы в культуре? Да, но это, как правило, попытки *видимостного снятия*.

Видимостное снятие рынка в культуре предполагает редуцирование его к системе брэндов, которые, в свою очередь, становятся в обществе знаками определенной ценностной навигации, обретая в конечном итоге значение неких символов культуры, хотя и в превратных

формах. Так брэнды обретают значение символов, превратных форм культуры.

Следует отметить, что эта тенденция отвечает определенному запросу современного индивида вообще, и российского в частности, который, с одной стороны, каким-то образом пытается приспособиться к ситуации рыночного диктата, а с другой — будучи по природе своей частным индивидом, он остается онтологически неприкаянным. Вот почему он пытается хотя бы при помощи брэндов каким-то образом обрести субстанциальную «прикаянность» и тем самым решить проблему своей социальной самоидентификации.

Интересно, что если первоначально брэнд возникал как рыночная модификация того или иного знака деятельности конкретного агента рынка (мастера), ее качества и результата, то сегодня это понятие, взятое из области рыночных отношений, используется и как субстанция для решения онтологических проблем человека, в том числе проблемы самоидентификации *частного человека*. Этот *частный человек* пытается решить данный вопрос не как проблему обретения своего имени в обществе и в мире культуры. Он решает проблему своей социальной самоидентификации через приобщение к тем или иным *знакам* престижного потребления, которое становится в силу этого симулятивным. И это приобщение происходит через процесс постоянного включения индивида в отношения купли-продажи, которые как раз и становятся субстанцией «общественного» бытия частного человека. Потребность в подтверждении достоверности своего общественного бытия заставляет этого *частного человека* постоянно подтверждать свою состоятельность именно и прежде всего в сфере отношений купли-продажи. Соответственно процесс общественного бытия этого *частного человека* превращается, используя выражение Гегеля, в «дурную бесконечность», во-первых, симулятивного и, во-вторых, рыночного бытия.

Медийная индустрия — производство частного человека

Альтернативой симулятивному бытию является такое бытие индивида, при котором он выступает субъектом деятельностного преобразования общественной действительности, т.е. субъектом творчества, а значит — человеком мира культуры. Но культура сегодня существует в условиях тесного переплетения рынка, глобальной гегемонии капитала и информационных технологий, которые обрели угрожающее для нее единство в таком феномене, как медийная индустрия с ее разветвленной специализацией.

Да, именно медийная индустрия с ее эффектом симулятивного потребления стала субстанцией общественного бытия, как художника, так и современной культуры. И дело вовсе не в современных технологиях, а в том, что, используя их, масс-медийная система занимается

производством и воспроизводством общественного отчуждения в виде симулякра культуры.

Ориентированное на такое же симулятивное потребление масс-медийное производство сегодня является субстанцией общественного бытия и художника, и современной культуры.

Конечно, это обстоятельство определяет и соответствующее положение художника. Будучи агентом масс-медийного производства, художник творит особый продукт – определенные *представления* о тех или иных предпочтениях, вкусах, приоритетах, формах и способах бытия *частного человека*. Казалось бы, ничего страшного в этом нет: идея *частного человека* нередко являлась предметом высокого искусства. Однако предметом внимания медийной индустрии является не столько сам *частный человек*, сколько *частный взгляд*, в том числе, на *частного человека*. То есть художник масс-медийного производства создает такое *идеальное*, содержанием которого является не образ человека как некой *целостности* и даже не его отдельные элементы, а именно *частные представления о частном человеке*.

Поэтому художник, участвуя в производстве *частных представлений* о разных *частностях частного человека*, тем самым становится всего лишь одним из звеньев совокупного работника на общем конвейере мега-шоу по производству представлений (1) о товарах и формах *престижного потребления* как основной идее общественного бытия, а также (2) о *престижных имиджах*.

Одним словом, художник в логике медийной индустрии производит то, что позволяет индивиду идентифицировать себя в мире распавшихся универсалий.

Результатом же потребления товаров и услуг этой индустрии является такое *идеальное (образы, установки, вкусы, ожидания, взгляды, императивы)*, которое в свою очередь становится важнейшей предпосылкой уже материального производства. Соответственно, потребление продуктов современного медийного производства (аудио, видео продукции) является не чем иным, как одной из форм расширенного воспроизводства этой же самой индустрии. И в этом воспроизводстве и художник, и сам потребитель культуры становятся работниками (у них только разные модусы) одной большой фабрики, производящей особый мир – мир уже даже не *превратных* форм бытия индивида, а именно симулятивных, или, говоря словами Бодрийера, *мир симулякров третьего порядка*.

Но положение художника и реципиента (потребителя) в этом медийном производстве все-таки разное. Если художник за это производство получает деньги, то потребитель их платит; если художник тратит свое *рабочее время*, то реципиент – *время своего досуга* превращает в *рабочее время*. В любом случае, производство системы *представлений* о престижном потреблении как императиве высшего

смысла бытия, становится тем *общим*, что роднит теперь и художника, и реципиента культуры. Соответственно, общим результатом для них теперь является то, что каждый из них в процессе этого производства сам становится носителем *частной* природы. А *частный человек* — это унифицированный индивид, несущий в себе природу не *конкретно-всеобщего*, а *общего*.

Подчинение же культуры диктату *общего*, порождая превратные формы творчества, а значит и превратные формы самореализации, индивида, в конечном итоге приводит к саморазрушению уже самого творческого потенциала художника. И действительно, диктатура рыночной тотальности заставляет художника подчинять логику своего творчества конъюнктуре рыночного спроса. Так, в условиях рынка, т.е. в атмосфере, казалось бы, свободной от идеологического диктата, творится содержание, но уже не *конкретно-всеобщего* характера, как того требует искусство, а того *общего*, что соответствует требованиям рыночных стандартов. Так, медийная индустрия, являясь экономическим остовом современной культуры (в отличие от советской культуры, являющейся тем типом идеального, в котором происходило разрешение общественных противоречий), сама становится мега-производством эффекта общественного отчуждения.

Кстати, сегодня достаточно откровенно проводится легитимация отчужденного отношения к реальности как определенной общественной нормы во всех сферах человеческой и общественной жизнедеятельности. Быть сегодня не отчужденным, особенно в среде престижного потребления, считается просто неприличным.

Правда, *глобализация отчуждения* предлагает одно решение проблемы — жесточайшую конкуренцию, оборачивающуюся в действительности тотальным уничтожением человека, общества, культуры, природы. Но сегодня в мире симулятивных смыслов и форм все обретает превращенную форму, в том числе и процесс уничтожения, который в действительности оборачивается принуждением к мутации и человека, и культуры, и общества, и природы, и как следствие этого — превращением проблемы *самоотчуждения современного человека* в одну из центральных на повестке современности.

Заключение

Таковы основные черты современной российской действительности, загоняющей человека в формы не просто абстрактного, но именно симулятивного бытия. И бежать ему от них некуда — глобализация. Даже в сферы идеального сегодня не очень-то спрячешься — они также подхвачены вирусом симулятивности. Например, театр, кино, эстрада, будучи особыми видами искусства, в условиях рыночного тоталитаризма, превратились в некое единое бизнес-шоу, т.е. рынок

зрелищных эффектов. Конечно, и там, к счастью, есть исключения, но не они определяют ситуацию в культуре в целом. В конечном итоге это приводит к размыванию самой сущности искусства как особого типа идеального, сила которого состоит в критическом видении действительности и, прежде всего, существующих форм отчуждения. Без этого искусство становится художественным способом их легитимации. Вот это как раз все труднее и труднее найти в современном российском искусстве.

Но ведь так было далеко не всегда. Например, советская культура являлась тем особым типом *идеального*, которое не только критически отражало общественные противоречия советской действительности, но одновременно было и формой их разрешения. Так, основой позитивной критики в советской художественной культуре и прежде всего в ее освободительной тенденции был принцип *разотчуждения*, т.е. отношение деятельности к преодолению конкретных форм отчуждения. С позиции этого отношения виделся мир не только социальных, но и собственно человеческих отношений, равно как и сама культура.

Даже в условиях общественного отчуждения искусство оставалось тем идеальным, которое выражало распад общественной реальности, как это было, например, в период Первой мировой войны. Сегодня мы сталкиваемся с реальным распадом уже самих форм идеального во всем их многообразии, а значит, и распадом уже самого «плацдарма позитивной критики», без которого искусство либо превращается в форму легитимации существующего в действительности отчуждения, либо становится формой негативного отрицания действительности в целом. Но и в том, и в другом случае такое *идеальное* назвать искусством уже нельзя.

Так что в эпоху глобализации бежать некуда. Сегодня альтернатива бытия встает перед современным индивидом в предельной формулировке: либо мутация уже биологического вида, приспособляющая к симулятивным формам реальности, либо деятельностное созидание жизни во всей целостной взаимосвязи социума, природы, культуры и человека.

Соответственно встает вопрос: что необходимо для того, чтобы современный индивид из согбенного и деградирующего объекта *глобализации отчуждения* превратился в «выпрямленного человека» (А.В. Луначарский) мира культуры?

Понятно одно, что решение этой проблемы невозможно на пути модернизации современной реальности. Здесь требуется принципиально иное решение — перезагрузка самой субстанции бытия индивида, причем такая, которая утверждала бы *принцип субъектного бытия человека* в социуме и в культуре, ибо только на этой основе и можно искать альтернативу рабскому существованию (сытому или голодному —

это уже не столь важно) современного человека в качестве функции (капитала, бюрократии, рынка, фетишизма правил).

Необходимость этой субстанциальной революции объективно связана с поиском и нового вектора исторической перспективы, снимающего симулятивные формы общества, культуры, человека. А пока перед человеческим сообществом, в том числе, российским, встает гамлетовский вопрос — быть или не быть? И, может быть, уже в последний раз.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На Западе эта тема представлена в целой серии работ достаточно широкого круга авторов: Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ф. Джеймисон, С. Жижек, К. Харт и др.

² См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. — М., 2004.

³ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма // Пределы капитала: методология и онтология. — М., 2009. — С. 212 — 257.

⁴ Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Вехи: Pro et contra. Антология. — СПб., 1998. — С. 753.

⁵ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. — М., 2006.

⁶ См.: Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. — М., 2003.

Аннотация

Капиталистическая глобализация в России породила мир симулякров, в частности симулятивного потребления, подчиняющего человека брэнду. Симулякры возникли как результат завершенности развития отношений отчуждения, порожденных господством частного интереса во всех сферах социально-экономической жизни. В результате культура, которая всегда была альтернативой миру отчуждения, сегодня сама стала производством продуктов отчуждения. Альтернативу миру отчуждения надо искать в тех новых социальных практиках, в которых индивид обретает себя как субъект истории и культуры.

Ключевые слова: отчуждение, разотчуждение, частный интерес, превратные формы, симулякры, симулятивное потребление, противоречия, диалектика, субъект.

Summary

Author shows that in Russia capitalist globalization generated the world of simulacra and, in particular, simulative consumption. As the result human being is determined by brands. Simulacra are the result of the development of the relations of alienation, generated by the determination of social life by the private interest. Culture, which always was the alternative to the world of alienation, has become the sphere of creation of the products of alienation. One can find alternatives to such world in new social practices, where individual can become the creator of the history and culture.

Keywords: alienation, desalienation, private interest, irrational forms, simulacra, simulative consumption, contradictions, dialectic, subject.